

Неделя — 1990. — 12-18 февр.
— События — События

НАШИ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

Неизвестная до сих пор советскому читателю корреспондентка Марины Цветаевой Раиса Николаевна Ломоносова (1888—1973) была женой одного из самых крупных русских инженеров-железнодорожников начала XX века, профессора Ю. В. Ломоносова, уже с 1910-х годов занимавшего высокие посты в Министерстве путей сообщения. Это положение он сохранил и после Октябрьской революции.

Раиса Николаевна ездила с мужем в командировки в США и Западную Европу, и благодаря его привилегированному положению имела возможность заниматься своего рода литературным меценатством.

Заочное знакомство ее с Мариной Ивановной состоялось благодаря Б. Л. Пастернаку, писавшему в 1928 г. Раисе Николаевне: «Она (Цветаева — Ред.) самый большой и передовой из живых наших поэтов, состоящие ее в эмиграции — фатальная и пока непоправимая случайность, она очень нуждается и из гордости это скрывает...»

В архиве Р. Н. Ломоносовой сохранились 22 письма М. И. Цветаевой. Они опубликованы в альманахе «Минувшее» (см. стр. 22—23 этого номера «Недели»). Два письма мы предлагаем вниманию наших читателей, сохраняя орфографию и пунктуацию автора.

Публикация Ричарда Дэвиса.
Подготовка текста Лидии Шоррокс.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-го сентября 1929 г.

Дорогая Г-жа Ломоносова (а отчество Ваше позорно забыла, — в говоре оно слито, а так, в отвлечении, этападает — по крайней мере у меня. Имя — помню). Как жаль, что Вы не попали в Париж и какой стыд, что только сейчас, полгода по не-свершению, от меня это слышите!

Дело не в «собираании» написать, а в лютости жизни. Встаю в 7 ч., ложусь в 2 ч., а то и в 3 ч. — что в промежутке? — быт: стирка, готовка, прогулка с мальчи-ком (обожаю мальчика, обожаю гулять, но писать гуляя не могу), посуда, посу-да, посуда, штопка, штопка, штопка, а еще кройка нового, а я так бездарна! Час-то за весь день — ни получасу на себя (писанье), ибо не забудьте людей: гостей — или в тебе нуждающихся.

Нас четверо в семье: муж, за которого я вышла замуж, когда ему было 18 лет, а мне не было 17-ти? — Сергей Яковлевич Эфрон, бывший добровольец (с. Октябрьской Москвы до Галлиполи — все, сплошь, в строю, кроме лазаретов (три ранения) — потом пражский студент, ученик Кондакова (о котором Вы наверное слышали — иконописец, археолог, архивист, — 80-лет-нее светило) — ныне один из самых де-ятельных — не хочу сказать вождей, не потому что не вождь, а потому что вождь — не то, просто — отбросив «один из» — сердце Евразийства. Газета «Ев-разия», единственная в эмиграции (да и в России) — его замысел, его детище, его горб, его радость. Чем-то, многим чем, а главное: совестью, ответственностью, глубокой серьезностью, сущности, похож на Бориса, но — мужественнее, Борис, как бы сказать, женское явление той же сущи-ности. Этого мужа, затем дочь — Аля (Ариадна), дитя моего детства, скоро 16 лет, чудная девочка, не Wunder Kind, а wunderbares Kind⁶, продавшая со мной всю Совет-скую (1917 г. — 1922 г.) эпопею. У меня есть ее 5-летние (собственноручные) запи-си, рисунки и стихи того времени. (6-лет-ние стихи в моей книжке «Психея», — «Стихи дочери», которые многие считают за мои, хотя совсем не похожи. Сейчас выше меня, красивая, тип, скорее герман-ский, — из Kinder-Walballa. Два дара: слово и, карандаш (пока не кисть), учи-лась этой зимой (в первый раз в жизни) у Натальи Гончаровой⁷, т. е. та ей дава-ла быть. И, похожа на меня и не похо-жа. Похожа страстью к слову, жизнью в нем (о, не влиянии, рождение), непохо-жа гармоничностью, даже идиллич-ностью всего существа (о не от возраста! помню, свои шестнадцать). Наконец — Мур (Георгий) — «маленький великан», «Мус-солини», «Философ», «Зигфрид», «le pe-tit rhéopomène», «Napoléon de Ste Hélène», «mon doux Jésus de petit Roi de Rome»⁸ — все это отзвуки встречных и поперечных русских и французов — а по мне просто

М. Цветаева. 30-е годы.

ПИСЬМА МАРИНЫ

ЦВЕТАЕВОЙ

К Р. Н. ЛОМОНОСОВОЙ

«...И ОПЯТЬ НИЧЕГО — ЖИВЕШЬ»

Мур, которому таким и быть должно, 4 1/2 года, рост 8 летнего, вес 33 кило (я — 52), свечи покупаю на 12 летнего (N° 10 француз) — серьезность в бесе-де, необычайная живость в движениях, любовь к кизверям (все доброе, если (их) накормить) 2) к машинам (увыл, ненавижу) 3) к домашним. Родился 1-го февраля 1925 г. в полдень, в воскресенье, Sonntagkind. Я еще в Москве, в 1920 г. о нем писала:

Все женщины тебе целуют руки и забывают сыновей. Ведь — как струна! Славянской скуки Ни тени — в красоте твоей! Буно и крупно-кудряв, белокур, синеглаз. Этого-то Мура я и прогуливаю — с февраля 1925 г. по нынешний день. Он не должен страдать от того, что я пишу стихи, — пусть лучше стихи страдают! (как оно и есть).

О себе не успела. Вкратце. Написала большую поэму Перекон, которую никто не хочет по тем же причинам, по которым Вас красные считают белой, а белые красной. Так и лежит. А я пишу другую, имя которой пока не сообщаю. Эпиграф к Перекону: Dunkel, Zypressen! — Die Welt ist gar zu lustig — Es wird doch alles vergessen⁹. (...)

Р. Н. Ломоносова собиралась по пути в США остановиться в Париже.

7 Когда Цветаева вышла замуж за С. Я. Эфрона (27 января 1912 г.), ей шел двадцатый год, а ему девятнадцатый.

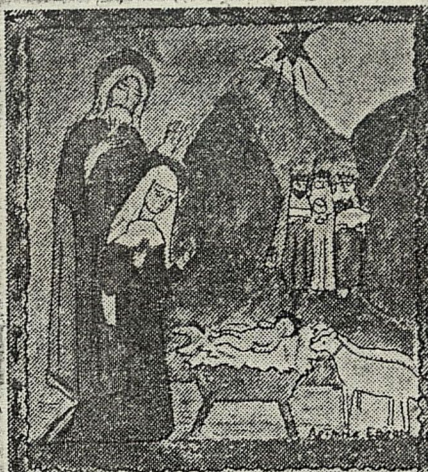
8 Н. П. Кондаков (1844—1925) — зна-менитый историк-византист, «Евразия», «Еженедельник по вопро-сам культуры и политики» № 1—35 (1928—1929). Одним из редакторов был С. Я. Эфрон.

9 5/18 сентября 1929 г. А. С. Эфрон ис-полнилось 17 лет.

10 Чудесный ребенок (нем.).
11 Последняя часть книги Цветаевой ПСИХЕЯ: РОМАНТИКА (Берлин, 1923), «Психея: Стихи моей дочери» — состоит из 20 стихотворений, помеченных «Моск-ва, Весна 1920 г. 7 лет».

12 Наталья Сергеевна Гончарова — из-вестная художница.

13 Мой нежный Иисус маленького Рим-ского короля (фр.). Помню юношеского культа «самого» Наполеона, у Цветаевой было также увлечение его рано умершим сыном, (1811—1832), королем Римским (1811), потом принцем Пармским (1814) и герцогом Рейхштадтским (1818), которо-му она посвятила несколько стихотворе-ний, а также перевела пьесу о нем (Э. Ростан, «Орленок»). 2 февраля 1934 г. Цветаева пишет, что ее сын «более по-хож на Наполеоновского сына, чем сам на Наполеоновский сын».

Gloria mihre
Dra interka
raja hominib
buche bosuntatis

Рождественская открытка работы А. Эф-рон, дочери М. Цветаевой, посланная Ло-моносовой.

ю Третья строка стихотворения «Сын».

(«Так, левою рукой упершись в талью...» (1920)

14 Речь идет о поэме о конце Царской семьи.

15 Темные интрисы! Свет совсем не ве-сел! Все будет забыто» (Из Р. М. Рильке).

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc

13-го февраля 1931 г.

Дорогая Раиса Николаевна! События бросают тень вперед — не знаю кем, мо-жет быть уже Гомером — сказано.

Итак: вечер у борисино друга, фран-ца (узского) поэта Вильдрака. Пригласил «на Пильняка», который только что из Москвы¹. Знакомимся, подсаживается.

Я: — А Борис? Здоровье?
П: — Совершенно здоров.

Я: — Ну, слава Богу!
П: — Он сейчас у меня живет, на Ямской.

Я: — С квартиры выселили?
П: — Нет, с женой разошелся, с Женей.

Я: — А мальчик?
П: — Мальчик с ней.

Я: — А где это — Ямская? Тверскую-Ямскую я знаю.

(Пять минут топографии, речь перехо-дит на заграницу).

Я: — Почему Борису отказали?
П: — (Потому) что он обращается

именно туда, где только отказывали. Пос-ледние месяцы он очень хлопотал о вы-езде за границу Евгении (отчество забы-ла) и Женечки², но тут началась Зинаи-да Николаевна³, и Женья наотрез отказа-лась ехать.

— С Борисом у нас вот уже (1923 г. — 1931 г.) — восемь лет тайный уговор: до-жить друг до друга. Но КАТАСТРОФА

встречи все оттягивалась, как гроза, ко-торая где-то за горами. Изредка — пере-каты грома, и опять ничего — живешь.

Поймите меня правильно: я, зная себя, наверное от своих к Борису бы не ушла,

но если бы ушла — то только к нему. Вот мое отношение. Наша реальная встре-ча была бы прежде всего большим горем

(я, моя семья — он, его семья, моя жалость, его совесть). Теперь ее все не будет. Борис не с Женей, которую он

встретил до меня, Борис без Жени и не со мной, с другой, которая не я — не мой Борис, просто — лучший русский поэт.

Сразу отожу руки.

Знаю, что будь я в Москве — или будь он за границей — что встретиться он хот

раз — никакой Зинаиды Н(иколаевны) бы не было и быть не могло бы, по гро-мному закону родства по всему фрон-ту: СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ. Но — я здесь, а он там, и все письма, и вместо рук — рукописи. Вот оно, то «Царствие Небес-ное» в котором я прожила жизнь. (То письмо Вам, как я это сейчас вижу, все о Борисе: события которого я тогда не знала, но которое было).

Потерять — не имел.

О Жене будете думать Вы, которая ее

знали. Знаю только, что они были очень

несчастны друг с другом. «Женья печаль-ная и трудная», так мне писала о ней сес-тра, с которой у нас одни глаза. Просто — не вынесла. «Разошлись». Может быть

ушла — она. В данную минуту она на все той же Волхонке, с сыном. Борис на пу-стой квартире у Пильняка. («Ямская»).

Кончил Спекторского (поэма) и ОХРАННЮ ГРАМОТУ (проза). — Дай ему Бог. — Глав-ное, чтобы жил! (?)

Живу. Последняя ставка на человека.

Но остается работа и дети и пушкинское: «На свете счастья нет, но есть покой и воля», которую Пушкин употребил как:

«свобода», а же: воля к чему-нибудь: к той же работе. Словом, советское «Герой ТРУДА». У меня это в крови: и отец и мать были такими же. Долг — труд — ответственность — ничего для себя — и все это врожденное, за тридцать земель

от всяких революционных догматов, ибо — монархисты оба (отец был вхож к Царю)⁵.

Не знаю, напишу ли я Борису. Слишком велика над ним власть моего слова: (мое-го) голоса. «ТОЛЬКО ЖИВЕТИ!» — как мне когда-то сказал один еврей.

Еще пять лет назад у меня бы душа

разорвалась, но пять лет — это столько дней, и каждый из них учил — все тому же, доказывал — все то же. Так и полу-чилось Царствие Небесное — между ско-вородкой и тетрадкой.

О Д. П. С. М⁶ (правда, похоже на уч-реждение?) — «Дружить со мной нель-зя, любить меня невозможно» — вот и окон-чилось намеренным равнодушием и на-силственным забвением. Он меня в себе

запер на семь замков — в свои наезды в Париж видит всех кроме меня. Меня — случайно и всегда на людях. Когда-то лю-бил (хочется взять в кавычки).

Я ему первая показала, т. е. довела до его сознания, что Темза в часы (отлива или прилива?) течет вспять, что это у

меня не поэтический оборот:

РОКОТ ЦЫГАНСКИХ ТЕЛЕГ —

ВСПЯТЬ УБЕГАЮЩИХ РЕК —

РОКОТ...

(Кстати с этих стихов Борис меня и по-любил. Стихи еще 16 года, но прочел он их уже после моего, боюсь, навечного, отъезда за границу, в 1922 г. Помню пер-вое письмо — и свое первое —)

Три недели бродили с ним по Лондону, он все хотел в музей, а я — на рынок, на мост, под мост. Выходило — учила его жизни. И заставила его разозлиться (sic) на три чудных голубых (одна бжевая) рубашки, которые он мне, по дикой ска-редности на себя, до сих пор не простил — но! не изнасил. Бориса он тогда так же иступленно любил, как меня, но Бо-рис — мужчина, и за тридцать земель — и это не прошло.

А разошлись мы с ним из-за обожаемой им и ненавидимой мной мертворожденной прозы. Мандельштам — «ШУМ ВРЕМЕ-НИ», где живы только предметы, где что ни живой — то вещь.

Так и кончилось (...)

1. Писатель Борис Андреевич Пильняк (1894—1937) ехал в США и остановился по пути в Берлине и в Париже.

2. Первая жена В. Л. Пастернака.

3. Евгений Борисович Пастернак (род. 1923).

4. Зинаида Николаевна Еремеева (1897 — 1966), жена пианиста Г. Г. Нейгауза, стала второй женой Пастернака в 1934 г.

5. Нет свидетельств, подтверждающих эти слова Цветаевой.

6. Князь Д. П. Святополк-Мирский, ли-тератор, критик.

7. Вторая строфа стихотворения «Ми-лые спутники! делившие с нами но-члег» (1917).

8. В своем первом письме к Цветаевой Пастернак упомянул строку «Версты и версты» версты — черствый хлеб» из стихотворения «Милые спутники, делив-шие с нами ночлег».